

-Вет. Москва, - 1997-25 января, - с. 5

Егерь

НЕТ, РЕБЯТА, ВСЁ НЕ ТАК

В

серьез его никогда не шутили. Для них он был экзотичен, как авокадо или деликатное изделие «с уси-ками». То и другое для употребления под одеялом, чтобы не шокировать демос.

Но где-то как бы и «свой». Как бывают «своими» забубенный водитель Колян и поддатая вахтерша тетя Маша. Без этой нескромной жидовско-декадентской вычурности, как его таганские поделнички.

Пьян и похабен. Мал и гадок, как мы (Пушкин). К тому ж с гитарой. Под которую наряду с соленым огурцом обалденно становится по душе.

Это чужим, кто вякнет в неуставной тональности, сворачивают шеи. А своих... ну, пожурят. Потому как жалеть и прощать — в нашей традиции.

Особенно если уже загнул. В холмопской республике с часовыми, разводящими, вертухаями, мужиками, «опущенными», паханами и, понятно, вольнонаемными должен быть и балалаечник.

Тут же блатная терпкость аккордов. Ухарская цыганщина. Определенный комизм. Говорят, и Сам не пренебрегал вовчиковыми куплетами.

Все грешны. Но втихаря. Они тоже были люди. Хоть и козлы. Номенклатурные ребята даже, бывало, подтягивали «хрипатору» в баньках и на дачках.

Инструктора — с молодцеватыми поручиковыми притопами. Руководители среднего звена — с умудренными полковничими прихлопами.

А Первый, Батька, глядишь, и слезу рукавом смахнул... Их было немного между нами, борзых, мянших себя егерями, и они сами были несчастны. Потому что в принципе холоп может захватить все — кроме свободы.

Может, с Высоцким они приспущали с натруженных шей ошейники и делались немножко свободны?

Челнинский парад. 1974

Таганка выезжала мало, но тут, в год вселенско-камазовского психоза, было велено обозначить смычку с массами. Театр десантировался в резервацию пролетариата. Рафинированно-скандальный, перманентно-аншлаговый, здесь он оказался «не понят». Притом, что, по определению, вроде бы был ориентирован на плембейский Пролеткульт.

Массы двигали на «постановку» — с «чувствами», а им всучили тухлявое шпито. То ли агитационный балаган, то ли кружок художественной декламации из интерната для обделенных.

Театр начался после спектакля. Когда Он покинул ДК и пошел по центральной улице, выяснилось, что все окна в городе — настезь. И в каждом по магнитофону с «Нейтральной полосой» или «Парусом» — во всю мощь своих электронных аорт.

Он шел молча, жуя мундштук сигареты, и внимал роковые баллады своей души не изнутри, как привык, а снаружи. Душа его как бы выплеснулась на улицы.

Мамаши с младенцами любовно орала ему со своих подоконников: «Володя!» — и плавно махали руками, высвобожденными из раструбов кустодиевских халатов.

Триумфальный проход императора.

Когда же он притомился и сел в автобус, то мужья этих женщин оставили свои общаги и «малонаселенки» и наглядно осуществили указанную «смычку» — понесли автобус на своих пролетарских плечах. С намерением экономии автобусного топлива, надо полагать.

Шахматы

Один знаменитый шахматный журналист с санкционированной на Лубянке репортерской проницательностью публично усомнился: «Разве это мужик? У него только голос мужской!».

Владимир вроде бы не так повел себя в какой-то мужской «маха-ловке».

Журналист

Нейтральная полоса

этюды не о Высоцком

был знатный международный по-веса и ловелас. Чувствовалось, что к лакомым кокетливым ферзям он расположен даже больше, чем к королям. Но до женщины, подобной Марине, ему было как до Луны. А в игре он был всего лишь мастер.

Юный же демон черно-белых полей Каспаров, чтобы впитать перед рубкой мужскую силу, задвигал в магнитофон кассету. Как снаряд в жерло. И «Кони привередливые» занесли его на Олимп.

«Авторская песня»

«Барды» смеютворны в потугах канонизировать его в конюшне «авторской песни». Это дало бы им право говорить «мы». И говорят. Мы, Володя и Булат Шалвович... А он такой же бард, как они соколы.

Урчанье сближает, клекот уносит в зенит.

«Поколение» — та же конюшня. В бригады сбиваются комсомольцы, слесаря и скопцы.

Он вышел из коммуналки, а дальше — сам.

Записки

Товарищи по работе в силу артистической организации нервной системы не всегда были склонны к товарищескому расположению. Так бывает между товарищами «на театре», и не надо строить удрученных мин.

Сильный неглупый актер не без оснований претендовал на «№ 2» легендарных подмоштов. На первый номер, понятно, мог посягать разве что неадекватный персонаж.

Так вот, «творческий вечер» в одном хорошем провинциальном театре. Неамбициозная периферийная интеллигенция, на которой, по слухам, все держится в этой стране.

Актер плескался в успехе, как колобок в масле.

Царственное тавро причастности к полуподпольной таганской вольнице. Аншлаг. Феерия. Букеты. Записки.

С записками-то и вышел скандальный казус. Из каждых пяти в четырех — Он. Отнюдь не тот, «на кого» пришли.

Публика неистовствовала, как бы заблудившись в адресатах собственного обожания.

До поры наш актер держал хвост пис-толетом.

Но где-то на четвертом десятке посланий сник и... уязвленной походкой бумбараша покинул подмошки по-английски, без натужных прощальных церемоний.

Прав, видать, был Ильич, думал он, уходя: «Говно нации», оно и есть — тут.

Цикады

«Олимпийское» лето. Каникулярный расслабон студюзуса в родительском саду. Металлическое щелканье цикад. О разлапистое крыло акации зацепилась чувственная луна.

Студюзуз возлежит под акацией на раскладушке и, вяло теребя ручку настройки обшарпанной «Спидолы», мечтает о барышнях.

Выловленный в наждачном шелесте «помех», диктор излагает с нордической строгостью и с той внятной иезуитинкой в голосе, по которой дополнительно угадываем был «не наш». И не только потому, что наши предпочитали идеологически недвусмысленный простор длинноволнового диапазона.

Не было в том продавшемся голосишке привычной душевности, безбрежной эпичности и клинического оптимизма, как бы намекающего на непрерывность счастливого потока жизни.

С непоколебимой своей монотонностью он сказал:

«Как сообщила из Москвы поэтесса Белла Ахмадулина, сегодня в возрасте 42 лет скончался известный актер (студент попытался сконцентрироваться), поэт (напрягся) и исполнитель собственных песен (шарахнуло сердце) Владимир (не поверил) Высоцкий (без комментариев)».

...До утра Би-би-си гнало в эфир одну за другой его песни, не отвлекаясь на шелуху «новостей».

«Глушилки» почему-то заткнулись. Голос Высоцкого был чист и пронизывающ, как будто тот присел рядом, на приступок у нашей домашней акации.

Цикады затихли в кустах, луна поникла и завалилась куда-то в подернутые девственным туманом заросли кукурузы.

Студент был безобразно юн, и радио не столько огорошило его, сколько озадачило некоей неотвратимой лирикой смерти, еще как будто бы лишенной необходимого ужаса, — и он стал взрослее на мгновение жизни.

Виктор ГАЛАНТЕР

Чуть полегче, кони, чуть полегче! Упомяну вас всякого не помню! Но это-то кони мне поначало привередливее... Кого дожить не успею, так хотя бы грешно!

Я не люблю, когда наполовину или когда прервали разговор. Я не люблю, когда стреляют. Я также против выстрелов в эфир

BM-Design Михаил ЧЕРКАШИН. Фото Александра СТЕРНИНА